УДК 902.01
DOI 10.24411/2219-8857-2018-00002

С.Н. Разумов, В.Б. Панковский

ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ С ИГРАЛЬНО-ГАДАЛЬНЫМИ КОСТЯМИ ИЗ НИЖНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ*

Погребение 11 кургана 1 в группе «Сад» могильника Глиное, совершённое в катакомбе редкой разновидности, содержало три игральных кости, изготовленных из отростков рога благородного оленя. Это всего лишь шестой комплекс ингульской катакомбной культуры эпохи средней бронзы с подобными аксессуарами, включавший, к тому же, намеренно обожжённое навершие топора-молота из вулканической породы. Необычно массивные игральные кости, судя по следам на их поверхностях, побывали в употреблении. Для гравирования знаков на костях использован медный или бронзовый инструмент.

Ключевые слова: Нижнее Поднестровье, Глиное, эпоха средней бронзы, ингульская катакомбная культура, вюрфель, роговая индустрия, трасология.

Сведения об авторах: Разумов Сергей Николаевич[1], кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Панковский Валентин Борисович[2], кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии энеолита — бронзового века Института археологии Национальной Академии наук Украины.

Контактная информация: MD-3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, e-mail: razum_22@rambler.ru[1]; 01034, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии НАН Украины; тел.: +380 (44) 418-27-75, +380 (44) 418-33-06: vpns@ukr.net[2].

S.N. Razumov, V.B. Pankowski

THE MIDDLE BRONZE AGE CATACOMB GRAVE AND THE DICE SET FROM THE LOWER DNIESTER REGION

The group of barrows called “Glinoe/Orchard” contained the barrow mound No.1 where the catacomb grave (No.11) of a rare type with a set of three dice made of red deer antler tines has been discovered. Before now, only five graves attributed to the Ingul Catacomb Graves Culture containing such gaming paraphernalia were reported. Also, a friable and deliberately burned shaft-hole axe-hammer head made of a volcanic rock found in the grave seems to be rather special for the Middle Bronze Age culture in question. The antler surface modifications may suggest that unusually big dice have been in short use. In the past, in order to engrave symbols on dice, some copper or bronze tool was applied.

Key words: the Lower Dniester region, Glinoe, the Middle Bronze Age, the Ingul Catacomb Graves Culture, dice, antler industry, traceology.

About the authors: Razumov Sergey Nikolaevich[1], Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Research Laboratory “Archaeology” of T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; Pankovski Valentin Borisovich[2], Candidate of Historical Sciences, Research of Department of Archaeology of Eneolith — Bronze Century of Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Contact information: MD-3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; tel.: 373533-79400, e-mail: razum_22@rambler.ru[1]; 04210, Ukraine, Kyiv, boulevard of Heroes of Stalingrad 12, Institute of archaeology of the National academy of sciences of Ukraine; tel.: +380 (44) 418-27-75, +380(44) 418-33-06, e-mail: vpns@ukr.net.

---

* Статья поступила в номер 11 декабря 2018 г.
Принята к печати 28 декабря 2018 г.

© *МАИАСК.* Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика.
© С.Н. Разумов, В.Б. Панковский, 2018.

Введение

Игральные и/или гадальные кости (вюрфели) в погребениях катакомбных культур привлекают внимание исследователей уже более ста лет (Городцов 1910: 267). Их называют собственно игральными костями (Кривцова-Гракова 1962: 18, 31; Санжаров 1988; Тощев, Самар 1990: 52; Клейн 1997; Евдокимов 1998: 14; Отрощенко 1997: 476), игральными кубиками (Городцов 1910: 267; Стрельник та ін. 2009: 38, 46), фишками (Ковалёва и др. 1989: 8; Евдокимов 1998: 13). Такими терминами именуют изделия в виде многогранников и эллипсоидов с маркированными гранями (сторонами), образующими после перемешивания костей различные сочетания меток, т.е. случайные числа (Санжаров 1988; Клейн 1997). В иных случаях метки могли бы обозначать ранги в социальных и имущественных иерархиях (ср.: Клейн 1997: 53). Название «кость» условно, поскольку это изделия из различных материалов. В преисторическом аспекте игральные кости служат одним из идентификаторов населения, оставившего катакомбные культуры, как индоиранцев или индоариев (Санжаров 1988; Клейн 1997; 2010: 325—355; Кульбака, Качур 1998: 48).

По нашим подсчётам, между правобережьем Днепра и левобережьем Дона было обнаружено 23 погребения катакомбной общности, содержавших 53 игральных кости в наборах и поодиночке. Шесть комплексов в выборке относятся к ингульской катакомбной культуре (ИКК), причём все они находились в Нижнем Поднепровье. Могильник Глиное, из которого происходит публикуемый набор игральных костей, расположен в Нижнем Поднестровье, т.е. на западной окраине ареала катакомбной общности (Тощев 1991: 85). Избранные сведения об этом погребении уже фигурируют в региональном археологическом путеводителе (Синика и др. 2016: 54, рис. 41) и в обзоре катакомбных древностей из могильников у с. Глиное (Разумов 2017).

В данной статье мы подробно обсуждаем культурно-хронологическую атрибуцию комплекса и анализируем полученные нами данные о технике изготовления игральных костей наряду с некоторыми наблюдениями и сопоставлениями типологического характера.

Курганный контекст и комплекс погребения

Курганная группа «Сад» находится в 2,8 км к северу-северу-востоку от северной оконечности с. Глиное Слободзейского района, на левом берегу Днестра, на вершине юго-западной части обширного плато, примыкающего с севера к руслу р. Красная (рис. 1). В составе группы в 2013, 2015, 2017 и 2018 гг. исследовано 14 курганов, четыре из которых сооружены в эпоху ранней бронзы, остальные — в раннем железном веке. Насыпь кургана 1, раскопанного в 2013 г., содержала шесть впускных захоронений катакомбной общности, пять из которых относятся к ИКК (Разумов 2017: 257—265). В статье рассматривается погребение 11 из этого кургана.

Погребение 11 впущено в северо-северо-восточную полу насыпи раннего бронзового века. Шестиугольная входная шахта, имевшая 1,6 м в поперечнике и глубину –1,5 м от R_0, была заполнена утрамбованным материковым суглинком (рис. 2). В южной стенке входной шахты проделан арочный дромос, нависавший над погребальной камерой, в которую он вёл; ширина дромоса — 0,8 м, высота — 0,3 м. В этом коротком дромосе, на краю ведущей в камеру ступени, обнаружились позвонки и рёбра трёх взрослых особей сазанов[1]. Камера в

[1] Археозоологические определения сделаны канд. биол. наук Евгенией Яниш (Институт зоологии им. И.И. Шмальгаузена НАН Украины, Киев).

форме пятиугольника со скруглёнными углами, размерами 1,9 × 1,55 м и глубиной –2,15 м от R_0, заходила неглубоким подбоем под дно входной шахты. Скелет мужчины 35—50 лет[2] покоился на дне камеры вытянуто на спине, головой на восток, с уложенными вдоль тела руками. Скелет сильно повреждён норами; череп откатился вправо. Рядом с правыми лучевой и локтевой костями находился вюрфель (номер 1 в приведённом ниже списке инвентаря); ещё два вюрфеля (2 и 3) располагались возле верхнего эпифиза правой плечевой кости. Не исключено, что и первый вюрфель когда-то пребывал у плеча, но потом его сместили землеройные животные. К югу от левой плечевой кости находилось крайне ветхое и частично разрушенное норой и упавшим сводом катакомбы навершие топора-молота (4) из рыхлого серо-зелёного минерального вещества. Под костяком прослежено пятно коричневого тлена от подстилки из неких органических материалов.

Ниже приводим список погребального инвентаря.

1. Игральная кость в форме эллипсоида со слегка уплощёнными противолежащими поверхностями или, иначе, в форме шестигранника со скруглёнными углами, ребрами и гранями. На трех крупных гранях (если рассматривать, вращая вокруг длинной оси вправо) последовательно размещаются: воронковидное углубление, пара аналогичных углублений, пара параллельных нарезок. Четвертая пространная грань — пустая. На двух малых гранях меток нет. Материал — рог благородного оленя (рис. 3).

2. Игральная кость, аналогичная предыдущей (рис. 4).

3. Игральная кость, аналогичная предыдущим (рис. 5).

4. Навершие топора-молота из мягкого и сыпучего минерального вещества серо-зеленого цвета. Зафиксированные размеры 100 × 40 мм. Полностью фрагментировано. Аналог этому навершию из другого погребения представлен на рисунке 6.

В таблице 1 приведены параметры игральных костей. *Длина* здесь — расстояние между малыми противолежащими гранями, *ширина-1* — ширина сторон с одной точкой и сторон с линиями, *ширина-2* — ширина сторон с двумя точками и пустых сторон.

Таблица 1

Метрические и весовые характеристики вюрфелей из комплекса Глиное — «Сад» 1/11

Свойства	Кости		
	1	2	3
длина, мм	**23**	**24**	**23,5**
ширина-1, мм	**19**	**21**	**21**
ширина-2, мм	**17,5**	**20**	**19,5**
вес, г	**3,68**	**6,1**	**6,08**

Обратим внимание на то обстоятельство, что параметры, измеренные на каждом из трёх предметов между соименными плоскостями, показывают соразмерное соотношение: расстояние между гранью с двумя точками и пустой гранью (ширина-1) всякий раз больше расстояния между гранью с нарезками и гранью с одной точкой (ширина-2). Иначе это наблюдение формулируется так: стороны с точкой и стороны с продольными линиями всегда шире сторон с двумя точками и пустых сторон.

[2] Физико-антропологические определения выполнены доктором биологии Сильвией Лукасик (Университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша).

Атрибуция комплекса

Согласно наблюдениям исследователей, все курганные погребения ИКК Северо-Западного Причерноморья — впускные (Дергачёв 1986: 92; Тощев 1991: 87). При этом погребение Глиное — «Сад» 1/11[3] впущено в северо-восточный сектор более древней насыпи, тогда как почти все захоронения ИКК данного региона устраивались в южных и юго-восточных полах курганов (Дергачёв 1986: 92—94; Тощев 1991: 88). Таковы, в том числе, и четыре погребения этой культуры в кургане 1 группы «Сад». Единичные погребения в северных полах курганов, как правило, отличаются неординарными (статусными?) особенностями погребального обряда и/или инвентаря. Так, например, в северо-северо-восточную полу кургана 2 группы «ДОТ» (рис. 1), относящегося к ямной культуре и расположенного в одном километре от кургана 1 группы «Сад», было впущено захоронение 7 ИКК. Кости мужского скелета в этой катакомбе были уложены особым образом после утраты их естественной сочленённости, а на черепе имелись следы прижизненной трепанации. Погребённого сопровождал полуфабрикат базальтового навершия булавы (Лысенко, Разумов 2016: 59—62; Синика и др. 2016: 62, рис. 39). Остальные погребения ИКК находились в юго-восточной части этого кургана.

Другая особенность погребения 11 — это многоугольные входная шахта и погребальная камера. Шестиугольные шахту и камеру имело также погребение 19, впущенное в юго-юго-восточную полу кургана в 17 м южнее погребения 11 (Разумов 2017: 259, рис. 1: *2*, 2: *4*). В этой очень крупной катакомбе погребённый был снабжён лежавшим у правого плеча навершием топора-молота, изготовленного из мягкого (на момент раскопок) серо-зелёного минерального вещества, с уцелевшими остатками деревянной рукояти (рис. 6). Трапециевидная входная шахта прослежена в уникальном погребении 43 кургана 1 могильника Глиное, который располагается в 2,1 км юго-западнее кургана 1 группы «Сад» (рис. 1). В камере находились два человеческих скелета с посмертными нарушениями сочленений и анатомического порядка костей, целый скелет лошади на специальной подсыпке и разнообразный инвентарь ИКК (Разумов и др. 2013: 314; Лысенко, Разумов 2016: 56—59).

Входные шахты катакомб ИКК шаблонно характеризуются в отчётах и публикациях как круглые или овальные. Однако на качественно выполненных чертежах хорошо видно, что многие из них шестиугольные (реже пяти- и семиугольные) с закруглёнными углами. Сказанное касается и «овальных» погребальных камер. При этом шахты и камеры с чётко выделенными углами в ИКК всё же крайне редки (Пустовалов 2005: 34), и такие погребения отличаются неординарным погребальным обрядом и/или инвентарём. В частности, комплекс Бурлацкое 3/4 из Северо-Восточного Приазовья представлял собой основное захоронение; а ведь население, оставившее ИКК, крайне редко возводило курганы. Входная шахта катакомбы имела четкий шестиугольный контур. На дне у входа в камеру просматривались четыре «следа стоп», нанесённые охрой. Погребённого в свое время уложили вытянуто на животе со скрещёнными в голенях ногами и, по всей видимости, завернули в циновку. На черепе сохранилась глиняная «маска». Инвентарь включал навершие топора-молота из горной породы, лепную амфорку, деревянные блюдо и поднос, два желобчатых абразива, колчанный набор (восемь кремнёвых наконечников стрел), набор «стрелодела» (абразивы и заготовки наконечников) в деревянном футляре, изделия из охры и мела, деревянные прутья (Санжаров 1991: 242—248, рис. 5—7; Razumov 2011: 171). В тот же курган было впущено

[3] Здесь и далее нумерация комплексов оформлена по принципу № кургана/№ погребения.

погребение 3, принадлежащее ИКК. Его входная шахта также имела чёткие шестиугольные очертания. У входа в камеру были нанесены охрой как минимум два «следа стоп». Погребённого подростка некогда уложили вытянуто на животе, а его лежавший отдельно череп был в глиняной «маске». Инвентарь включал лепную чашу, ритуальный сосуд из остеокерамической массы, деревянный ковш, шесть деревянных прутьев, изделие из охры (Санжаров 1991: 242—248, рис. 3—4). Особенности обряда и инвентаря позволяют отнести данные комплексы к захоронениям представителей знати, выполнявших функции служителей культа (Пустовалов 2005: 73).

Показательно, что как минимум три из шести нижнеднепровских комплексов ИКК с игральными костями также включали катакомбы с многоугольными входными шахтами. Это:

— Никополь 1/9 (Кривцова-Гракова 1962: 31, рис. 10);

— Новокаиры 2/32 со «входной ямой округлой в плане формы с выгнутыми стенками» (Тощев, Самар 1990: 52, рис. 12: *1*);

— Рясные Могилы 5/10, где «круглая в плане входная яма» на чертеже показана несомненно шестиугольной (Отрощенко и др. 1977: 43, рис. 19: *1*).

Ещё одна интересная деталь погребения из Глиного — кости сазанов у входа в камеру катакомбы. В погребениях ИКК имеются кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади и — в единичных случаях — собак и птиц. Располагались они обычно в камерах рядом с погребёнными (Небрат 2016: 43—54; Разумов 2018: 64). Кроме Глиного, костные остатки рыб в обряде ИКК известны нам только в комплексе Брилёвка 16/21 (Евдокимов 1998: 13, 15, рис. 2: *3*, 4: *2—4*). Правда, естественно заострённые плавниковые кости в Брилёвке могли служить орудиями. Они пребывали вместе с комплектом готовых игральных костей и полуфабрикатов в одном скоплении артефактов.

Вытянутое на спине положение скелета свойственно ИКК. Ориентировка скелета в данном конкретном случае черепом на восток объясняется характерной для обряда ИКК практикой укладывать погребённых головами влево от входов в камеры (Разумов 2017: 262).

Кроме комплекса Глиное — «Сад» 1/11 специфические навершия топоров-молотов из рыхлого (на момент раскопок) минерала известны ещё в трёх погребениях ИКК на левобережье Нижнего Днестра.

— Глиное — «Сад» 1/19 (Разумов 2017: 264, рис. 2: *4*). Размеры 105 × 55 × 30 мм, диаметр отверстия 25 мм, обуха — 25 мм, ширина лезвия 40 мм (рис. 6). Навершие изготовлено из полнокристаллической неравномернозернистой магматической интрузивной (жильной) породы среднего состава, которая, по существующей в геологии классификации, соответствует кварцевому диорит-порфириту[4].

— Глиное — «ДОТ» 1/16 (рис. 1) (Разумов 2017: 264, рис. 2: *12*). Размеры 112 × 50 × 35 мм, диаметр отверстия 20 мм, обуха — до 30 мм, ширина лезвия 40 мм. Навершие изготовлено из полнокристаллической мелкозернистой магматической (жильной) породы основного состава, которая, по существующей в геологии классификации, соответствует габбродолериту (устаревшее название — габбро-диабаз).

— Щербанка 1/28 (Раздельнянский район Одесской области, в 20 км восточнее группы Глиное — «Сад»). Погребальное сооружение включает многоугольную входную шахту и длинный дромос, переходящий в камеру. В камере вытянуто на спине лежал костяк взрослого человека. У левого плеча найдена половина лепной орнаментированной чаши, у правого — шлифованный топор-молот из крошащегося серо-зелёного минерала,

[4] Минералогические определения сделаны старшим научным сотрудником Отдела физико-химических исследований Национального научно-исследовательского реставрационного центра Украины Н.А. Шевченко.

аналогичный описанным выше. Размеры 90 × 50 × 35 мм, диаметр отверстия 24 мм, обуха — до 25 мм (Бейлекчи 1993: 71, рис. 10: *2—4*).

Изготовленные из непрочного на момент раскопок материала навершия топоров-молотов известны и в других погребениях ИКК. Например, в комплексе Траповка 6/13 (Дунай-Днестровское междуречье) растрескавшийся топор-молот лежал у правого локтя погребённого (Субботин и др. 1995: 47, рис. 15: *2*).

Г.Н. Тощев называет подобные изделия вотивными, считая их имитациями настоящих сверлёных каменных наверший (Toschev 2013: 80). Однако результаты минералогического анализа не позволяют согласиться с этим предположением. Согласно выводам Н.А. Шевченко, навершия топоров-молотов из комплексов Глиное — «Сад» 1/19 и Глиное — «ДОТ» 1/16 изготовлены из традиционных для таких изделий ИКК вулканических минералов. Но физико-механические свойства анализируемых материалов отличаются от характерных особенностей исходных пород аналогичного состава. Последние обычно обладают высокой прочностью и плотностью. По мнению специалиста, «характер изменения прочностных свойств минерального вещества свидетельствует о вторичных наложенных деструктивных процессах под влиянием, вероятно, факторов окружающей среды — в частности, колебаний температурно-влажностного режима, действия огня, грунтовых вод». Отметим, что свойства почвы и грунтовых вод вряд ли могли привести к таким изменениям прочного материала, поскольку в тех же либо в соседних курганах в аналогичных по глубине и конструкции погребениях ИКК изделия из вулканических пород прекрасно сохранились (Синика и др. 2016: рис. 39, 46). Следовательно, наиболее вероятным следует признать намеренное воздействие на эти артефакты высокой температуры (обжига) в процессе совершения погребальных обрядов.

Датировка комплекса Глиное — «Сад» 1/11 связана с общей датировкой ИКК Северо-Западного Причерноморья. Здесь она распространилась сравнительно поздно, после середины III тыс. до н.э., и серия радиоуглеродных дат укладывается в диапазон от 2580—2341 до 2267—1981 гг. до н.э. (Иванова 2013: 259; Субботин и др. 2017: 129). Отметим, что памятники катакомбных культур Подонцовья с наборами игральных костей исследователи также относят к позднекатакомбному времени (Санжаров 1988: 150—152; Смирнов 1996: 108), т.е., по нынешним представлениям, к последней трети III тыс. до н.э., но не позднее XXII/XXI вв. до н.э., т.е. начала раннего этапа днепро-донской бабинской культуры.

Типологические особенности игральных костей ингульской катакомбной культуры

В Нижнем Поднепровье нам известно пять комплексов ИКК, которые содержали в совокупности 17 игральных костей:

— Барвиновка 10/3 — один предмет размерами 10 × 7 × 7 мм (Отрощенко и др. 1987: 23—24, табл. 16: *2*);

— Брилёвка 16/21 — три готовых изделия размерами 9 × 6 × 5–6 мм и четыре полуфабриката (Евдокимов 1998: 13, рис. 2: *4*, 4: *7*);

— Малозахарьино 1/5 — четыре предмета размерами 7 × 5 × 4—4,5 мм (Ковалёва и др. 1989: 8, рис. 2: *7—10*);

— Никополь 1/9 — два предмета размерами 12 × 8 × 8—9 мм (Кривцова-Гракова 1962: 18, 31, рис. 14: *8, 9*);

— Новокаиры 2/32 — три предмета размерами 9 × 8 × 7 мм (Тощев, Самар 1990: 52, рис. 12: *2*);

Кроме перечисленных, условно к игральным костям можно отнести изделие из комплекса Рясные Могилы 5/10 — параллелепипед «из высушенной глины» размерами 35 × 27 × 27 мм (Отрощенко и др. 1977: 43, рис. 19: *3*).

Все перечисленные экземпляры из костно-рогового сырья выглядят крошечными по сравнению с вюрфелями из Глиного.

Игральные кости ИКК, в отличие от «бипирамидальных тел (октаэдров)» донецкой катакомбной культуры (Клейн 1997: 48), представляют собой гексаэдры или эллипсоидно-шестигранные формы. Следовательно, брошенная кость ложилась только какой-то одной длинной гранью (боком) кверху.

Разметка вюрфелей ИКК из костно-рогового сырья сходна, но не одинакова (рис. 7). В частности, обе малые противолежащие грани (поверхности) и какая-нибудь одна большая грань на всех костях пустые. Только на торце одной кости из Малозахарьино 1/5 (Ковалёва и др. 1989: рис. 2: *9*) видна короткая бороздка, но она похожа на обычный для этого набора изъян поверхности костного сырья (Ковалёва, Шалобудов 1988: рис. 34). На трёх других больших гранях в различных комбинациях нанесены элементы (точка, линия) и составленные из них мотивы (пары точек и линий, крест и др.).

Учитывая специальный, не декоративный, характер маркировки, особым мотивом можно считать пустоту одной из крупных граней (сторон)[5].

Между рассмотренными наборами есть только один случай полного сходства меток (Брилёвка 16/21 и Никополь 1/9; рис. 7: *6, 7*). Оставляя на будущее углублённое исследование меток на вюрфелях ИКК (как части некого обширного сообщества знаков), полагаем всё же, что имеем дело с единой системой вариативных знаков (Санжаров 1988; Клейн 1997; Стефанов и др. 2016; Чижевский 2014). Исходя из этого, в таблице 2 представлена индивидуальная и совокупная частота встречаемости по группам меток, регулярно выступающих тождественными или взаимозаменимыми знаками на отдельных вюрфелях и в наборах в целом.

Таблица 2

Встречаемость разновидностей меток и их распределение по сторонам вюрфелей из костно-рогового сырья ИКК

Сторонность	Элементы и мотивы		Случаев	
сторона 1 (ширина-1)	*точка*	●	14	**15**
	линия продольная	—	1	
сторона 2 (ширина-2)	*пара точек*	●●	7	**15**
	пара поперечных линий	‖	3	
	крест	┼	3	
	Р-видный знак	Р	1	
	пустота	(пусто)	1	
сторона 3 (ширина-1)	*линия продольная*	—	11	**15**
	пара продольных линий	=	3	
	точка	●	1	
сторона 4 (ширина-2)	*пустота*	(пусто)	**15**	

[5] Судя по фотографиям вюрфелей из Малозахарьино 1/5 (Ковалёва, Шалобудов 1988: рис. 34), на этих изделиях, наряду с несомненно рукотворными воронковидными углублениями, имеются разного рода углублённые рудименты сырья. Однако достоверно различить те и другие без исследования de visu не представляется возможным. По этой причине мы пока воздерживаемся от замечаний о возможных усложнённых модификациях мотивов «крест» и «Р-видный знак» — равно как их соотношениях с другими мотивами и элементами — на костях из этого комплекса. Также, увы, не вполне понятен типологический облик изделия из комплекса Барвиновка 10/3 со «знаком триединства» и пустыми полями по соседству.

Мы уже обращали внимание на то, что изделия из Глиного демонстрируют устойчивые пропорции: стороны с точкой и стороны с продольными линиями всегда шире сторон с двумя точками и пустых сторон. Но если ширина всех игровых сторон других вюрфелей бывает одинаковой, то стороны с точками и линиями сделаны плоскими и имеют вид эллипсов, а стороны с двумя точками и пустые сделаны покатыми и в плане выглядят прямоугольными (Никополь 1/9, Брилёвка 16/21), что характерно для всех изделий выборки (при наличии на узких покатых боках иных разновидностей меток) (рис. 7)[6].

В расположении игральных костей in situ наблюдается тяготение к зоне правой руки и, в частности, правого плеча:

— Барвиновка 10/3 и Глиное — «Сад» 1/11 — у правого плеча;

— Малозахарьино 1/5 — в пятне охры, на равном удалении от правого плеча и черепа, накрытые деревянным стаканом в форме усечённого конуса (40 × 35 × 25 мм) (Ковалёва и др. 1989: 8, рис. 2);

— Новокаиры 2/32 — между анатомическим местом черепа (найден в стороне) и правым плечом (Тощев, Самар 1990: рис. 12: *1*), хотя исследователи характеризуют эту позицию оборотом «на месте головы» (Тощев, Самар 1990: 52);

— Рясные Могилы 5/10 — в сосуде у локтя правой руки (Отрощенко и др. 1977: 43, рис. 19).

В погребении «костореза» Брилёвка 16/21 набор сырья и инструментов, включавший комплект вюрфелей, находился около затылочно-теменной части черепа (Евдокимов 1998: 13). Данный контекст, конечно же, совершенно особенный.

Ситуация не вполне ясна только с комплексом Никополь 1/9: вюрфели лежали, по разным сведениям, то ли в ногах, то ли в головах (Кривцова-Гракова 1962: 18, 31).

Структурно-сырьевая и следоведческая экспертиза вюрфелей из Глиного

Обсуждаемые изделия из погребений катакомбных культур считаются, как правило, костяными (Городцов 1910: 267; Кривцова-Гракова 1962: 18; Ковалёва и др. 1989: 8), на что, к тому же, намекает исследователям само наименование подобных предметов («кости») (Тощев, Самар 1990: 52; Евдокимов 1998: 13). Не исключено, что некоторые вюрфели ИКК и вправду изготовлены из скелетной кости, как это привычно делалось в эпоху поздней бронзы (Антипина 2004: 225, 228; Стефанов и др. 2016). Отдельные вюрфели донецкой катакомбной культуры определены как сделанные из слонового бивня (Санжаров 1988: 146, 153), и немудрено, что такой экзотический для юга Восточной Европы материал сочтён несомненно ценным и отвечающим духу сакральной игры (Отрощенко 1997: 476).

Набор из Глиного является пока единственным документированным случаем употребления цельного рога для изготовления таких аксессуаров ИКК[7]. Вывод основан на изучении макро- и микропримет цельнорогового сырья — внешнего вида фактур, соотношения компактного и губчатого веществ, конфигураций остеонов и сосудистых каналов и т.д. (Панковский 2015: 269; Pankovskiy 2016: 237). Принимая во внимание эти условия, следует заключить, что первичные бочёнковидные заготовки получены не из кончиков, а из околоконцевых участков трёх разных отростков рога благородного оленя. Выступающее то тут, то там губчатое вещество лимитировало возможности снятия компакты; таким образом, изделия из Глиного своими крупными размерами обязаны,

[6] Кроме кости со своеобразной маркировкой из Барвиновки 10/3, изображением которой мы не располагаем.

[7] В ходе специального исследования может, конечно, оказаться, что вюрфели в Брилёвке 16/21 выделаны из рогового сырья, находившегося вместе с ними в скоплении № 2.

помимо предполагаемого первичного замысла, ещё и строению сырья. Кость № 1 вышла сравнительно лёгкой (табл. 1). И хотя при взвешивании сказались повреждения образца, видимый объём переходной и губчатой структур в нём больше, чем в двух других вюрфелях. Характер размещения губчатого вещества в заготовках — преимущественно субосевой, отражающий кривизну исходных участков и неравномерность снятий окружающей компакты.

В корпусах изделий не осталось ничего от собственной формы и собственной поверхности рога, что свойственно представителям техно-функционального класса конвертатов, являющихся примером всецело рукотворного формообразования (Панковский 2015: 277, 279).

Моделирующая обработка эллипсоидов выполнена абразивной субстанцией или инструментом умеренной жёсткости (по сравнению, скажем, со стальным напильником), повышенной рассредоточенности и раздельности истирающих частиц (против того же напильника или плотной кристаллической породы), с весьма нерегулярной микротопографией трущей поверхности. Следы обработки (царапины шириной в среднем 0,01 мм, рис. 8: *5*) уцелели только на небольших участках компакты на широких плоскостях. Дело, очевидно, в том, что небольшая по площади покатая поверхность минимизировала следообразование в виде протяжённых трасс, так как царапающим частицам не было места для сколько-нибудь длительного движения в одной траектории (Панковский 2016а: 1014). Столь же узко локализованной выглядит эксплуатационная залощенность, приуроченная к высшим выступающим и уплощённым точкам рельефа.

Маркирующие бороздки шириной 1,2—1,5 мм повсеместно желобчатого строения, с хорошо проработанными краями, отвесными стенками и ровными ложами (рис. 8: *1—5*). Их выходные части — вильчатые (рис. 8: *3, 5*) или плавно иссякающие (рис. 8, *2, 4*). Известно, что при надрезании или пропиливании плоско установленным лезвием ножа образуются характерные вспучивания и выкрошенности (Pankovskiy 2016: 232—233; Панковский 2016а: 1008). Таким образом, наблюдаемая фактура бороздок указывает на многократное процарапывание металлическим инструментом с несравненно более прецизионной рабочей частью, чем таковая у кремнёвых инструментов (Панковский 2016а: 1020—1021).

Воронковидные углубления (рис. 8, *6*) проделаны, по всей видимости, всё тем же металлическим резцом. Дело в том, что маленькие кремнёвые сверла в начале сверления тоже образуют правильную воронку, однако её стенки, по мере углубления и расширения, заполняются специфическими сооснымы бороздами, и место сверления становится чашеобразным (Панковский 2016: 136, рис. 7: *2*, 8: *1, 2*), чего в данном случае не наблюдается.

Заключительные замечания и выводы

В нашем распоряжении оказались новые данные и наблюдения о составе, численности и контекстуальных связях погребальных комплектов и функциональных наборов игральных костей ИКК, а также о вариабельности элементов, мотивов и композиций маркировки вюрфелей. Эти разнообразные данные требуют дальнейшего упорядочения и объяснения.

Контекст обнаружения костей в Малозахарьино 1/5 достоверно указывает на дополнительный аксессуар игры с костями и, возможно, на её приёмы. После встряски на весу в тесной полости стакана, вюрфели, по всей видимости, не выбрасывали в свободный разлёт, а открывали их, когда они уже лежали вплотную друг к другу под стоящей вверх дном ёмкостью на игровом поле. Не исключено, что для перемешивания крупных глиняных

кубиков служил и сосудик из Рясных Могил 5/10. Модельные эксперименты, несомненно, прояснят характер перемешивания и выпадения игральных костей (см., напр., Усачук 2012: 153—154).

В случае с неординарным комплексом Глиное 1/11 засвидетельствовано употребление цельнорогового сырья и применение металла для его обработки в поздней ИКК. Известно, что применение металла в обработке костно-рогового сырья не всегда имело место и в более позднюю эпоху, в начале эпохи поздней бронзы (Панковський 2015). Кроме того, в данное погребение были помещены сравнительно новые вюрфели.

Форма и размеры погребального сооружения, его расположение в насыпи, наличие, кроме набора игральных костей, обожжённого навершия топора-молота и костей сазанов могут свидетельствовать об особом социальном статусе и/или ранге погребённого мужчины, предположительно, служителя культа.

Литература

Антипина Е.Е. 2004. Археозоологические материалы. В: Черных Е.Н. (отв. ред.). *Каргалы*. Т. III. Москва: Языки славянской культуры, 182—239.

Бейлекчи В.В. 1993. Курган 1 у с. Щербанка. *ДСПИК* IV, 62—78.

Городцов В.А. 1910. *Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте*. Москва: Издание Московского Археологического Института.

Дергачёв В.А. 1986. *Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы*. Кишинёв: Штиинца.

Евдокимов Г.Л. 1998. Погребение мастера-костореза из Брилевского могильника. В: Тощев Г.Н. (отв. ред.). *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК)*. Запорожье: Запорожский государственный университет, 10—19.

Иванова С.В. 2013. Катакомбные культуры. В: Бруяко И.В., Самойлова Т.Л. (отв. ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья* (к 95-летию Национальной Академии наук Украины). Одесса: СМИЛ, 255—275.

Клейн Л.С. 1960. Кургани біля с. Троїцького. *Археологічні пам'ятки УРСР*. Т. VIII. Київ: Наукова думка, 141—163.

Клейн Л.С. 1997. Происхождение нуля, или древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом. В: Ткачук М.Е., Манзура И.В. (ред.). *Стратум: структуры и катастрофы*. Кишинёв: Нестор-История, 47—66.

Клейн Л.С. 2010. *Время кентавров. Степная прародина греков и ариев*. Санкт-Петербург: Евразия.

Ковалёва И.Ф., Андросов А.Ф., Шалобудов В.Н., Мартюшенко Д.В. 1989. Курганы эпохи бронзы степного Правобережья Днепра. В: Ковалёва И.Ф. (отв. ред.). *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, 4—26.

Ковалёва И.Ф., Шалобудов В.Н. 1988. Отчёт о научно-исследовательской работе по теме «Археологические исследования курганов в зоне строительства Солоняно-Томаковской оросительной системы Днепропетровской области». НА ИА НАНУ. Ф. 1988/69.

Кривцова-Гракова О.А. 1962. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле. В: Смирнов К.Ф. (отв. ред.). *Памятники скифо-сарматской культуры*. Москва: АН СССР, 5—55 (*МИА* 115).

Кульбака В., Качур В. 1998. *Соматичні культи бронзового віку Півдня Східної Європи*. Маріуполь: ДонДУ.

Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2016. Демембрация в погребальном обряде ингульской катакомбной культуры. *Новое прошлое* 4, 49—66.

Небрат С.Г. 2016. Погребения ингульской катакомбной культуры с костями животных. *Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Історія. Політологія* 17, 43—56.

Отрощенко В.В. 1997. Обробка кістки та рогу. В: Толочко П.П. (гол. ред.). *Давня історія України*. Т. 1. Київ: Наукова думка, 473—477.

Отрощенко В.В., Савовский И.П., Томашевский В.А. 1977. Курганная группа Рясные Могилы у с. Балки. В: Бидзиля В.И. (отв. ред.). *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки (предварительная публикация)*. Київ: Наукова думка, 16—60.

Отрощенко В.В., Ляшко С.Н., Пустовалов С.Ж., Рассамакин Ю.Я., Черных Л.А. 1987. Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1987 году. НА ИА НАНУ. Ф. 1987/18.

Панковский В.Б. 2015. Слободзейские псалии. *Stratum plus* 3, 265—296.

Панковский В. 2016a. Костяной «кинжал» из Курганов-Дубовой. In: Diaczenko A., Król D., Kyrylenko A., Rybicka M., Werteletski D. *Nowomalin-Podobanka i Kurgany-Dubova. Osiedla kultury trypolskiej na zachodnim Wołyniu.* Rzeszów: Zimowit, 133—147.

Панковский В.Б. 2016b. Структурно-сырьевая и следоведческая экспертиза костяных и роговых объектов из могильника Глиное. В: Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. *Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное*. Кишинев: Stratum Publishing House, 1003—1038 (Археологические памятники Приднестровья. Вып. III).

Панковський В.Б. 2015. Щаблі майстрування бабинських пряжок. *Донецький археологічний збірник* 19, 24—57.

Пустовалов С.Ж. 2005. *Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я*. Київ: Шлях.

Разумов С.Н. 2017. Памятники катакомбных культур на реке Красная (левобережье Нижнего Днестра). В: Пригарин А.А. (отв. ред.). *Человек в истории и культуре: мемориальный сборник научных работ в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук, Владимира Никифоровича Станко*. Вып. 3. Одесса: Ирбис, 257—265.

Разумов С.Н. 2018. Собака в культовой практике населения Северо-Западного Причерноморья раннего бронзового века. *Археологические вести* 24, 50—67.

Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Синика В.С., Тельнов Н.П., Четвериков И.А. 2013. Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* 2, 297—340.

Санжаров С.Н. 1988. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями. *СА* 1, 140—158.

Санжаров С.Н. 1991. Позднекатакомбные погребения из Северо-Восточного Приазовья. В: Братченко С.Н. (отв. ред.). *Катакомбные культуры Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 235—253.

Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2016. *Археологическое наследие Приднестровья.* Тирасполь: Полиграфист.

Смирнов А.М. 1996. *Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце.* Москва: ИА РАН.

Стефанов В.И., Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П., Коряков И.О. 2016. Эволюция древней игры в кости: источники позднего бронзового века. *Stratum plus* 2, 235—253.

Стрельник М.О., Хомчик М.А., Сорокіна С.А. 2009. Гральні кості (II тис. до н.е. — XIV ст. н.е.) з колекції Національного музею історії України. *Археологія* 2, 34—49.

Субботин Л.В., Островерхов А.С., Дзиговский А.Н. 1995. *Археологические древности Буджака. Курганы у с. Траповка и Новоселица*. Одесса: Гермес.

Субботин Л.В., Разумов С.Н., Синика В.С. 2017. *Семёновские курганы.* Тирасполь: Stratum plus. (Археологические памятники Приднестровья. Вып. IV).

Тощев Г.Н. 1991. Западный ареал памятников катакомбной культуры. В: Братченко С.Н. (отв. ред.). *Катакомбные культуры Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 85—101.

Тощев Г.Н., Самар В.А. 1990. Исследование курганного могильника эпохи бронзы на Херсонщине. *ДСПК* I, 31—66.

Усачук А.Н. 2012. Коллекция костяных изделий Степановского поселения. В: Бровендер Ю.М. *Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже.* Алчевск: ДонГТУ, 140—156.

Чижевский А.А. 2014. Игральная (гадальная) кость из Гулюковской III стоянки в Нижнем Прикамье. *РА* 1, 91—94.

Pankovskiy V. 2016. Deer Antler Cheekpiece from Ushkalka-I. Expertise and Advice on Typological Classification. In: Zanoci A. (ed.) *Man, Culture, and Society from the Copper Age Until the Early Iron Age in Northern Eurasia.* Contributions in Honour of the 60th Anniversary of Eugen Sava (Tyragetia International 1). Chişinău: Tyragetia, 225—242.

Razumov S. 2011. Flint artefacts of Northern Pontic populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200—1600 BC (based on burial materials). *BPS* 16. Poznań: Adam Mickiewicz University.

Toschev G.N. 2013. In the West of the Catacomb area. *BPS* 18. Poznań: Adam Mickiewicz University, 72—85.

References

Antipina, Ye.Ye. 2004. In: Chernykh, Ye.N. (ed.). *Kargaly*. Vol. III. Moscow: "Yazyki slavyanskoy kul'tury" Publ., 182—239 (in Russian).

Beylekchi, V.V. 1993. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma (Antiquities of the Black Sea Steppe and Crimea)* IV, 62—78 (in Russian).

Gorodtsov, V.A. 1910. *Bytovaya arkheologiya. Kurs lektsiy, chitannykh v Moskovskom Arkheologicheskom Institute (Household Archaeology. A Course of Lectures delivered at the Moscow Archaeological Institute)*. Moscow: "Izdaniye Moskovskogo Arkheologicheskogo Instituta" (in Russian).

Dergachov, V.A. 1986. *Moldaviya i sosedniye territorii v epokhu bronzy (Moldova and Neighboring Territories in the Bronze Age)*. Kishinov: "Shtiintsa" Publ. (in Russian).

Yevdokimov, G.L. 1998. In: Toshchev, G.N. (ed.). *Problemy izucheniya katakombnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti (KKIO) i kul'turno-istoricheskoy obshchnosti mnogovalikovoy keramiki (KIOMK) (The Problems of*

studying the Catacomb Culturalhistorical Community (CCHC) and the Cultural-historical Community of Multi-faced Pottery (CHCMP)). Zaporozhiye: "Zaporozhskiy gosudarstvennyy universitet", 10—19 (in Russian).

Ivanova, S.V. 2013. In: Brujako, I.V., Samoilova, T.L. (eds.). *Drevniye kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (k 95-letiyu Natsional'noy Akademii nauk Ukrainy) (Ancient Cultures of the North-Western Black Sea Region (to the 95th Anniversary of the National Academy of Sciences of Ukraine))*. Odessa: "SMIL" Publ., 255—275 (in Russian).

Klein, L.S. 1960. In *Arkheologíchní pam'yatki URSR* (*Archaeological Monuments of URSR*). Vol. VIII. Kyiv: "Naukova Dumka" Publ., 141—163 (in Ukrainian).

Klein, L.S. 1997. In: Tkachuk, M.E., Manzura, I.V. (eds.) *Stratum: struktury i katastrofy (Stratum: Structure and Disaster)*. Chisinau: "Nestor-Istoriya" Publ., 47—66 (in Russian).

Klein, L.S. 2010. *Vremya kentavrov. Stepnaya prarodina grekov i ariyev (Time of Centaurs. The Steppe Ancestral Home of the Greeks and Aryans)*. Saint Petersburg: "Eurasia" Publ. (in Russian).

Kovalova, I.F., Androsov, A.F., Shalobudov, V.N., Martyushenko, D.V. 1989. In: Kovalova, I.F. (ed.). *Problemy arkheologii Podneprov'ya (Problems of archeology Dnieper River Basin)*. Dnepropetrovsk: "DGU", 4—26 (in Russian).

Kovalova, I.F., Shalobudov, V.N. 1988. Otchot o nauchno-issledovatel'skoy rabote po teme «Arkheologicheskiye issledovaniya kurganov v zone stroitel'stva Solonyano-Tomakovskoy orositel'noy sistemy Dnepropetrovskoy oblasti». NA IA NANU. F. 1988/69.

Krivtsova-Grakova, O.A. 1962. In: Smirnov, K.F. (ed.). *Pamyatniki skifo-sarmatskoy kul'tury (Monuments of Scythian-Sarmatian culture)*. Moscow: "AN SSSR", 5—55 (Materials and Research on the Archaeology of the USSR 115) (in Russian).

Kul'baka, V., Kachur, V. 1998. *Somatichní kul'ti bronzovogo víku Pívdnya Skhidnoi Evropi (Somatic Cults of the Bronze Age in the South of Eastern Europe)*. Mariupol: "DonDU" (in Ukrainian).

Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2016. In *Novoye proshloye (New Past)* 4, 49—66 (in Russian).

Nebrat, S.H. 2016. In *Visnyk Mariupol's'koho derzhavnoho universytetu. Seriya: Istoriya. Politolohiya (Bulletin of the Mariupol State University. Series: History. Politology)* 17, 43—56 (in Ukrainian).

Otroshchenko, V.V. 1997. In: Tolochko, P.P. (ed.). *Davnya istoriya Ukrayiny (Ancient History of Ukraine)*. Vol. 1. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 473—477 (in Ukrainian).

Otroshchenko, V.V., Savovskiy, I.P., Tomashevskiy, V.A. 1977. In: Bidzilya, V.I. (ed.). *Kurgannyye mogil'niki Ryasnyye Mogily i Nosaki (predvaritel'naya publikatsiya) (Burial-mounds of the River Graves and Nosaki (Preliminary Publication))*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 16—60 (in Russian).

Otroshchenko, V.V., Lyashko, S.N., Pustovalov, S.Zh, Rassamakin, Yu.Ya., Chernykh, L.A. 1987. Otchet o raskopkakh Zaporozhskoy ekspeditsii v 1987 godu. NA IA NANU. F. 1987/18.

Pankovskiy, V.B. 2015. In *Stratum plus* 3, 265—296 (in Russian).

Pankovskiy, V. 2016a. In: Diaczenko, A., Król, D., Kyrylenko, A., Rybicka, M., Werteletski, D. *Nowomalin-Podobanka i Kurgany-Dubova. Osiedla kultury trypolskiej na zachodnim Wołyniu.* Rzeszów: "Zimowit" Publ., 133—147 (in Russian).

Pankovskiy, V.B. 2016b. In: Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. *Skifskiy mogil'nik III—II vv. do n.e. u s. Glinoye (Scythian Burial-ground of 3rd — 2nd Centuries BCE near Glinoe Vilage)*. Kishinev: "Stratum Publishing House" Publ., 1003—1038 (Archaeological Monuments of Transnistria. Iss. III) (in Russian).

Pankovskiy, V.B. 2015. In *Donets'kyy arkheolohichnyy zbirnyk (Donetsk Archaeological Collection)* 19, 24—57 (in Ukrainian).

Pustovalov, S.Zh. 2005. *Sotsial'nyy lad katakombnoho suspil'stva Pivnichnoho Prychornomor'ya (Social System of the Catacomb Society of the Northern Black Sea Coast)*. Kyiv: "Shlyakh" Publ. (in Ukrainian).

Razumov, S.N. 2017. In: Prigarin, A.A. (ed.). *Chelovek v istorii i kul'ture: memorial'nyy sbornik nauchnykh rabot v pamyat' laureata Gosudarstvennoy premii Ukrainy, akademika RAYEN, professora, doktora istoricheskikh nauk, Vladimira Nikiforovicha Stanko (A Man in History and Culture: a Memorial Collection of Scientific Works in Memory of the Laureate of the State Prize of Ukraine, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor, Doctor of Historical Sciences, Vladimir Nikiforovich Stanko,)*. Iss. 3. Odessa: "Irbis" Publ., 257—265 (in Russian).

Razumov, S.N. 2018. In *Arkheologicheskiye vesti (Archaeological News)* 24, 50—67 (in Russian).

Razumov, S.N. Lysenko, S.D., Sinika, V.S., Telnov, N.P., Chetverikov, I.A. 2013. In *Stratum plus* 2, 297—340 (in Russian).

Sanzharov, S.N. 1988. In *Sovetskaja arheologija (Soviet Archaeology)* 1, 140—158 (in Russian).

Sanzharov, S.N. 1991. In: Bratchenko, S.N. (ed.). *Katakombnye kul'tury Severnogo Prichernomor'ya (Catacomb cultures of the Northern Black Sea)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 235—253 (in Russian).

Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2016. *Arkheologicheskoye naslediye Pridnestrov'ya (Archaeological Heritage of Transnistria)*. Tiraspol: "Poligrafist" Publ. (in Russian).

Smirnov, A.M. 1996. *Kurgany i katakomby epokhi bronzy na Severskom Dontse (Mounds and Catacombs of the Bronze Age in the Seversky Donets)*. Moscow: "IA RAN" (in Russian).

Stefanov, V.I., Kuz'minykh, S.V., Chemyakin, Yu.P., Koryakov, I.O. 2016. In *Stratum plus* 2, 235—253 (in Russian).

Strel′nyk, M.O., Khomchyk, M.A., Sorokina, S.A. 2009. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 2, 34—49 (in Ukrainian).

Subbotin, L.V., Ostroverkhov, A.S., Dzigovskiy, A.N. 1995. *Arkheologicheskiye drevnosti Budzhaka. Kurgany u s. Trapovka i Novoselitsa (The Archaeological Antiquities of Budjak. Mounds at Trapovka and Novoselitsa Villages)*. Odessa: "Germes" Publ. (in Russian).

Subbotin, L.V., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2017. *Semonovskiye kurgany (Semenov Burial-mounds)*. Tiraspol: "Stratum plus" Publ. (Archaeological Monuments of Transnistria. Iss. IV) (in Russian).

Toshchev, G.N. 1991. In: Bratchenko, S.N. (ed.). *Katakombnye kul'tury Severnogo Prichernomor'ya (Catacomb cultures of the Northern Black Sea)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 85—101 (in Russian).

Toshchev, G.N., Samar, V.A. 1990. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma (Antiquities of the Black Sea Steppe and Crimea)* I, 31—66 (in Russian).

Usachuk, A.N. 2012. In: Brovender, Yu.M. *Stepanovskoye poseleniye srubnoy obshchnosti na Donetskom kryazhe (Stepanovskoe Settlement of the Srubnaya Community in the Donetsk ridge)*. Alchevsk: "DonGTU", 140—156 (in Russian).

Chizhevskiy, A.A. 2014. In *Rossijskaja arheologija (Russian Archaeology)* 1, 91—94 (in Russian).

Pankovskiy, V. 2016. Deer Antler Cheekpiece from Ushkalka-I. Expertise and Advice on Typological Classification. In: Zanoci, A. (ed.) *Man, Culture, and Society from the Copper Age Until the Early Iron Age in Northern Eurasia. Contributions in Honour of the 60th Anniversary of Eugen Sava*. Chişinău: "Tyragetia" Publ., 225—242 (Tyragetia International 1).

Razumov, S. 2011. Flint artefacts of Northern Pontic populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200—1600 BC (based on burial materials). *BPS* 16.

Toschev, G.N. 2013. In the West of the Catacomb area. *BPS* 18, 72—85.

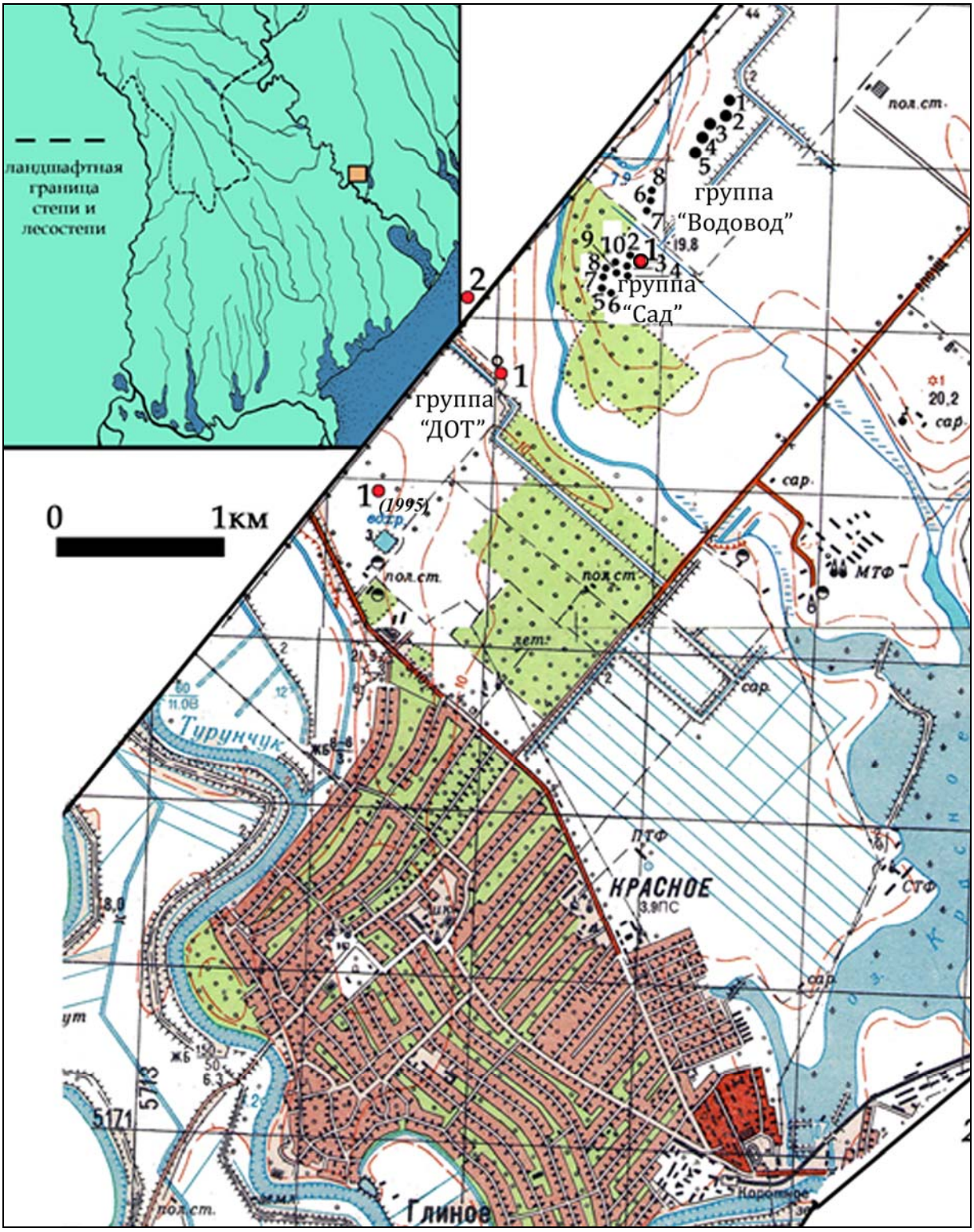

Рис. 1. План местности с могильниками Глиное, Глиное — «ДОТ», «Сад» и «Водовод». Крупными точками и увеличенными номерами обозначены курганы, упоминаемые в тексте статьи.

Fig. 1. The research area with burial grounds of Glinoe, Glinoe — "PFP", "Orchard", and "Sluiceway". The barrows mentioned in the paper are indicated with big dots and enlarged numbers.

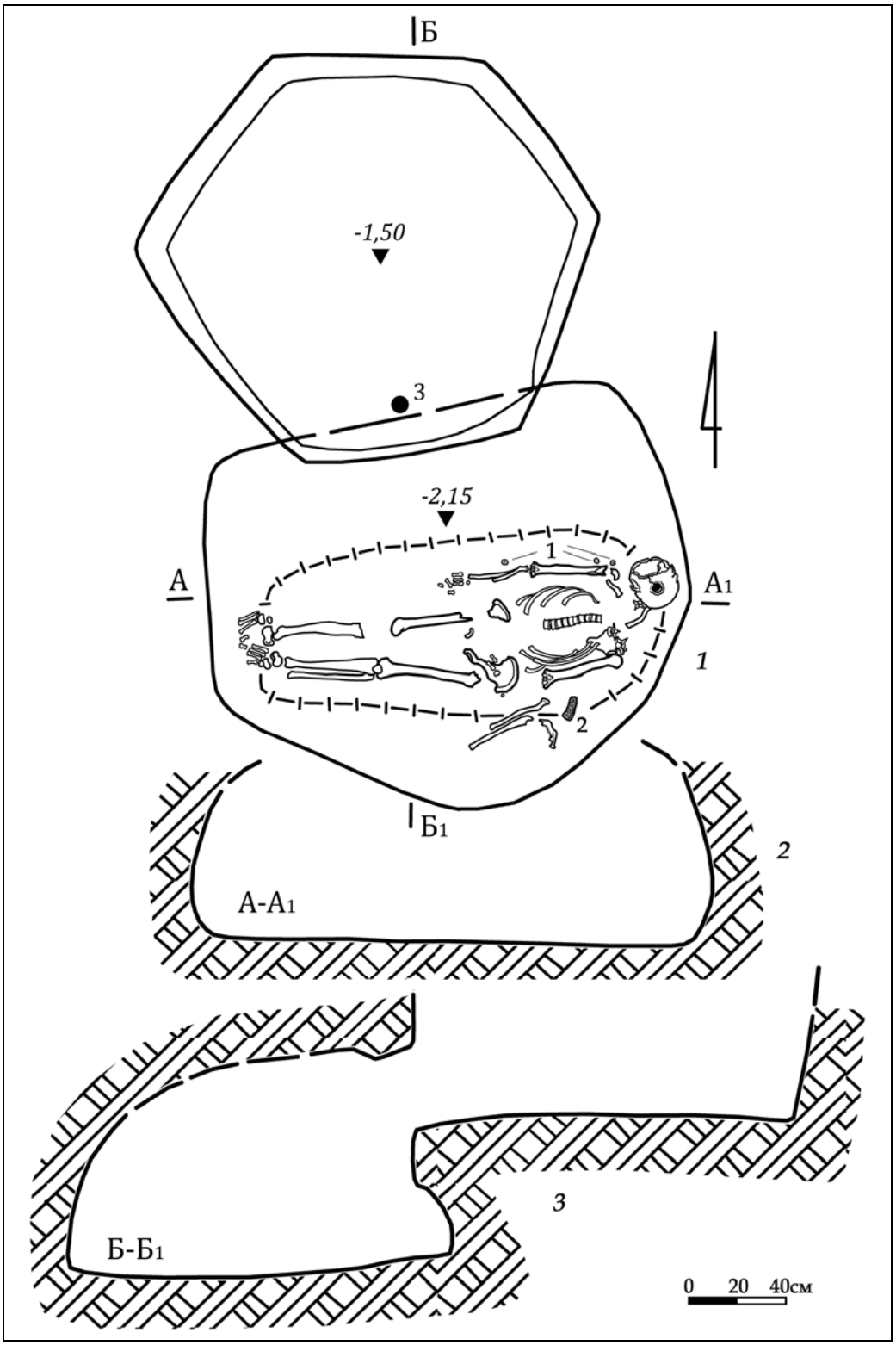

Рис. 2. Могильник Глиное — «Сад». План и разрезы погребения № 1 кургана № 1. Цифровые обозначения на плане погребения: *1* — роговые вюрфели; *2* — навершие топора-молота из горной породы; *3* — кости сазанов. Пунктиром вокруг скелета обозначено пятно от истлевшей подстилки.

Fig. 2. The Glinoe — "Orchard" Group of Barrows. Plan and sections of the grave 11 in the barrow 1. Numbered positions are: *1* — deer antler dice; *2* — axe-hammer head made of ground stone and then burned; *3* — carp fish vertebrae and rib bones. Dash line around the skeleton indicates a decayed mat feature.

Рис. 3. Глиное — «Сад». Игральная кость № 1.

Fig. 3. Glinoe — “Orchard” Group, barrow 1, grave 11. Deer antler dice No. 1.

Рис. 4. Глиное — «Сад». Игральная кость № 2.

Fig. 4. Glinoe — “Orchard” Group, barrow 1, grave 11. Deer antler dice No. 2.

Рис. 5. Глиное — «Сад». Игральная кость № 3.

Fig. 5. Glinoe — “Orchard” Group, barrow 1, grave 11. Deer antler dice No. 3.

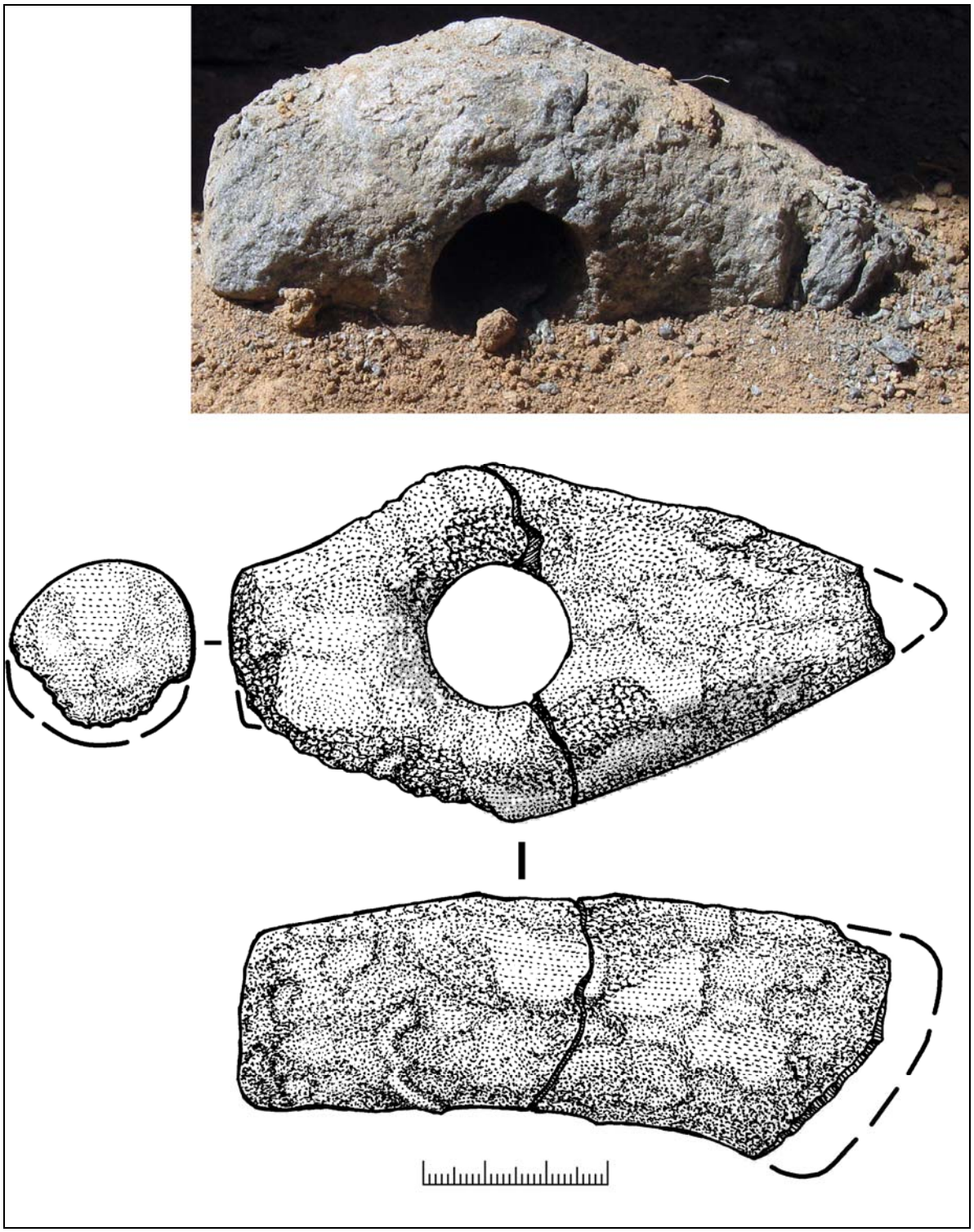

Рис. 6. Глиное — «Сад», к. 1, п. 19. Навершие топора-молота из мягкого минерального материала — аналог изделию из комплекса Глиное — «Сад» 1/11.

Fig. 6. Glinoe — “Orchard” Group, barrow 1, grave 19. Axe-hammer head made of quartz-diorite porphyry; an artifact of a similar kind is reported from Glinoe — “Orchard” 1/11.

1	Глиное-"Сад" 1/11	●	●●	||	пусто
		19	17,5	19	17,5
2	Глиное-"Сад" 1/11	●	●●	||	пусто
		21	20	21	20
3	Глиное-"Сад" 1/11	●	●●	||	пусто
		21	19,5	21	19,5
4	Брилёвка 16/21	●	●●	|	пусто
		5	5	5	5
5	Брилёвка 16/21	●	●●	|	пусто
		6	6	6	6
6	Брилёвка 16/21	●	●●	|	пусто
		6	6	6	6
7	Никополь 1/9	●	●●	|	пусто
		8	8	8	8
8	Никополь 1/9	●	пусто	|	пусто
		9	8	9	8
9	Новокаиры 2/32	●	=	|	пусто
		8	7	8	7
10	Новокаиры 2/32	●	=	|	пусто
		8	7	8	7
11	Новокаиры 2/32	●	=	|	пусто
		8	7	8	7
12	Малозахарьино 1/5	●	+	|	пусто
		5	4,5	5	4,5
13	Малозахарьино 1/5	●	+	|	пусто
		5	4,5	5	4,5
14	Малозахарьино 1/5	●	+	●	пусто
		5	4	5	4
15	Малозахарьино 1/5	|	Р	|	пусто
		5	4	5	4
16	Барвиновка 10/3	●●	пусто	пусто	пусто
		7	7	7	7

Рис. 7. Сравнительная таблица знаков на вюрфелях из костно-рогового сырья в ингульской катакомбной культуре. В строках с цифрами указана ширина маркированных полей, мм.

Fig. 7. Comparative table for the side marks in the Ingul Catacomb Graves Culture bone and antler dice. The width values (mm) of marked dice sides are indicated in table rows.

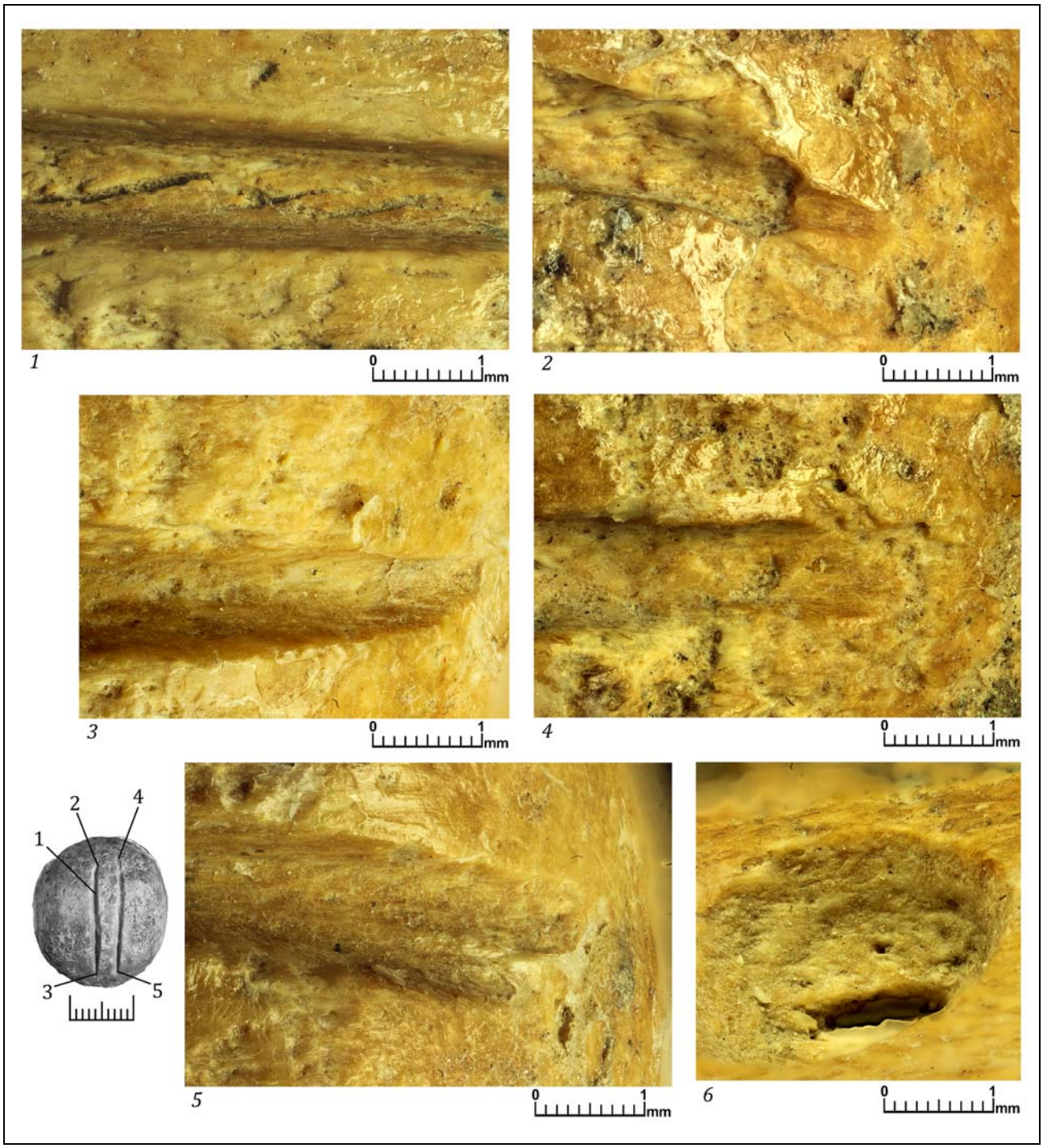

Рис. 8. Глиное — «Сад», к. 1, п. 11. Видоизменения роговой поверхности на игральной кости № 2: *1—5* — участки с нарезками; *6* — одиночное углубление.

Fig. 8. Glinoe — "Orchard" Group, barrow 1, grave 11. Surface modifications in deer antler dice No. 2: *1—5* — spots with cut marks; *6* — a single borehole.